



ГЕРМАН МЕЛВИЛЛ

Марди и путешествие туда

КНИГА ТЕЧЕНИЙ

УДК 82/89
ББК 84(4Сое)
М47



HERMAN MELVILLE
Mardi: And a Voyage Thither
1849

Перевела с английского Д. Сиротинская

Мелвилл Г.

М47 Марди и путешествие туда. Книга течений : [роман] / Герман Мелвилл ; [пер. с англ. Д. Сиротинской]. — М. : «Т8 Издательские Технологии», 2020. — 366 с. — (Серия: «Разум и чувства»).

ISBN 978-5-521-78200-0

Герман Мелвилл (1819–1891) — американский писатель, вошедший в историю литературы благодаря своему знаменитому роману «Моби Дик, или Белый кит». В наши дни Мелвилл считается классиком литературы США, одной из крупнейших фигур американского романтизма.

Роман «Марди и путешествие туда» стал поворотной точкой в его творчестве, так как в нем Мелвилл впервые отошел от привычных тем и создал сложную философскую аллегорию, которая оказалась непонятна читателям и критикам.

Сбежавший с корабля юноша во время своих странствий по океану встречает прекрасную девушку Йиллу и влюбляется в нее. Вскоре после этого они оказываются на Марди — таинственном архипелаге, которого не отыскать на картах. Йилла загадочным образом исчезает, и главный герой в компании новых и старых друзей путешествует по архипелагу, надеясь отыскать возлюбленную. Аллегорическое повествование об этом удивительном путешествии увлечет каждого, кто готов к странствиям по суше и по морю, по миру земному — и миру внутреннему, духовному.

УДК 82/89
ББК 84(4Сое)

© Сиротинская Д.,
перевод на русский язык, 2020
© Оформление.

ISBN 978-5-521-78200-0

АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ГЕРМАН МЕЛВИЛЛ
МАРДИ И ПУТЕШЕСТВИЕ ТУДА
(1849)

Не так давно я опубликовал две повести о путешествиях в Тихом океане, и многие отнеслись к ним с недоверием. Тогда мне пришла в голову мысль и в самом деле сочинить о Полинезии роман, а когда он увидит свет, посмотреть, возможно ли, чтобы вымысел приняли за правду, — то есть в определенной степени совершить нечто обратное моему прошлому опыту.

Эта задумка побудила к жизни и другие — и так появился «Марди».

Нью-Йорк, январь 1849 года

ЧАСТЬ I

Глава 1

НОГА В СТРЕМЕНИ

Мы отправляемся! Брамсели и марсели установлены, поднятый якорь покачивается на носу, и все три стеньги отданы на волю ветра, который провожает нас в море, будто собачий лай. Он захватывает трапы, реи, оба борта, и тень наших парусов на волнах, похожая на ястреба с трепещущими крыльями, растворяется в соленой воде. Но откуда и куда идете вы, моряки?

Мы уходим в море с Рававаи, острова, расположенного немного севернее тропика Козерога и чуть западнее острова Питкерн, где осели мятежники с «Баунти». Я сам незадолго до того сошел в Рававаи на берег, но теперь вновь намеревался пуститься в плавание — на этот раз в погоню за китом, чей мозг освещает мир. Из Рававаи мы были намерены держать путь к Галапагосским островам. Порой из-за яростных ветров и непредсказуемых течений, с которыми там частенько приходится иметь дело, их называют Заколдованными островами.

У нас не было сомнений, что в это время года в тех краях, там, где однажды прошел Дампир* и куда испанские флибустьеры свозили свои золотые муадоры, Кашалот, или спермацетовый кит, встречается в изобилии.

* *Дампир Уильям* (1651–1715) — английский мореплаватель и капитан (корсар), совершивший три кругосветных путешествия.

Но ваш корабль не может улететь туда прямо из Рававаи, как улетает из гнезда морская чайка. Из-за преобладания пассатов на северо-восточной границе окрестностей Рававаи корабли вынуждены делать крюк примерно в две тысячи миль. Сначала, в погоне за переменчивыми ветрами, они мчатся на всех парусах к югу, а потом, подхваченные шальным ветром, несутся прямо в открытое море; наконец, взяв курс на восток, они оказываются гораздо ниже по побережью, совсем недалеко от Черты.

Именно этот окольный путь избрал «Арктурион», и, говоря по совести, от одного этого можно было потерять всяческое терпение. Ни разу до этого океан не казался мне таким однообразным — и, спасибо судьбе, ни разу с тех пор.

Но вот — браво! Впервые за две недели хоть что-то произошло! Невзрачным утром, когда мы были совершенно одни в открытом море и шли прямо по курсу, над волнами поднялось нечто вроде темного тумана, который окружил нас, и все вокруг потускнело; он извивался и опадал в воздухе, и молочно-белые волны вскипали у самого борта. Мы повернули в сторону и наконец, когда день уже близился к закату, достигли Массифуэро. В подзорную трубу мы увидели двух или трех одиноких коз среди ущелий на крутом спуске к морю, а немного погодя сигнал — изорванный флаг над вершиной холма. Наш капитан, впрочем, отлично знал, что на острове не может быть никого, кроме пары-тройки сбегавших висельников из Чили, так что он благоразумно не принял их приглашения сойти на землю. Хотя кто знает: может, не послав им с лодкой свою визитную карточку, он и совершил ошибку.

Несколько дней спустя мы уже заключили сделку. Таким людям вечно сопутствуют всяческие неприятности, а потому они явились к нам на борт в сопровождении сокрушительных шквалов, едва не снесших один из лонжеронов, не говоря уж о старом толстяке-коке, — тот пытался спрятаться с подветренной стороны, и его и в самом деле сбило с ног.

Своевременно достигнув намеченной долготы, которая находилась несколькими лигами западнее экватора, мы пускали коту под хвост целые недели, странствуя вдоль Черты туда и сюда в тщетных поисках добычи. Некоторые из здешних охотников верят, что киты, подобно перуанской серебряной руде, перемещаются по океану вместе с глубинными течениями. Так, день за днем, неделю за неделей мы бороздили одну и ту же долготу, пересекающуюся с Чертой, и готовы были поклясться, что чувствуем, как нос корабля словно бы ударяется обо что-то, стоит нам оказаться в этом месте, — а ведь оно, быть может, и существовало-то только в нашем воображении.

Наконец, когда экваториальный бриз утих, мы решили продолжать путь прямо вдоль Черты. Мы правили на запад, и, куда ни взгляни — не видать было ни зги. Именно в это утомительное время я и испытал первые признаки горькой тревоги и нетерпения, порожденных однообразием такого времяпрепровождения, — они-то в конце концов и привели к тем приключениям, которые я намереваюсь здесь описать.

Но постойте! Да не будет произнесено ни единого дурного слова ни о самом судне, на редкость дряхлом, ни о его команде! Моряки все как на подбор были молодцы; половину из них составляли язычники, которых наше судно подхватило на окрестных островах. Впрочем, никто из них не обратил на себя моего внимания. Среди них не было души, близкой и притягательной для моей собственной, никого, с кем можно было бы проникнуться взаимной симпатией, подбадривать друг друга, сожалея о том, как медленно мы продвигаемся вперед, или, напротив, вместе радоваться тому, что задул попутный ветер. Здесь, в обществе, большая часть которого состояла из просмоленных негодяев, в чести были другие качества. Будь мы потоплены китом или подговори нас какой-нибудь самодур поднять бунт против капитана, мои товарищи-моряки во всех случаях проявили бы находчивость

и остались бы все теми же лихими парнями. Как бы ни обернулось дело, на свете не было огня, способного справиться со сталью их нрава.

Было и еще кое-что, что со временем сделало мою жизнь на борту беспросветно однообразной. Конечно же нельзя отрицать, что шкипер был славный малый; он дежурил на юте с глубоким достоинством, и язык у него был подвешен так, как и полагается быть подвешенным языку моряка. Я должен отдать ему справедливость, более того — он даже в какой-то мере занимал мое воображение своими рассказами; когда мне доводилось вместе с ним стоять у штурвала, он был общителен... нет, он был болтлив! Но что с того? Способен ли он был рассуждать о чувствах, о философии? Разве что самую малость. Его библиотека была размером восемь дюймов на четыре и состояла из одних только Нафанаила Боудича и Хамильтона Мура.

Так что же мне оставалось, мне, которого цитаты из Бертона и Синих дьяволов скоро довели до неистовства, что же мне оставалось, в самом деле, кроме приевшегося, нескончаемого ямса и не менее нескончаемых славословий в адрес черноокой Сьюзи, которыми захлебывался хор на баке? Свежести во всем этом было не больше, чем в выдохшемся пиве.

Да, да, «Арктуруион»! Я говорю это без злобы, но ты был изнурительно скучен. И беда тут не только в самом плавании, хотя мне в жизни не приходилось тяжелее, но и во многом другом. Дни медленно катились и катились, бесконечные и бессодержательные, как космические циклы. Время, отрывки времени; со сколькими веками беседовала моя койка, раскачивавшаяся, словно маятник, когда унылое судно давало крен, а часы тикали, отмечая прошедшие эпохи? Фигура на носу «Арктуруиона», нерушимая и неизменная, словно святыня, теперь — увы! — покрыта морским мхом, а то, что так прочно скрепляли ржавые болты, ныне стало всего лишь камнем в очаге океана, у которого мы так часто отдыхали